

Ницше Фридрих

Антихристианин

Опыт критики христианства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Н.**
Антихристианин: Опыт критики христианства / Ницше Фридрих – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 98 с.

ISBN 978-5-519-99909-0

ISBN 978-5-519-99909-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Обратимся къ себѣ. Мы гипербореи—мы достаточно хорошо знаемъ, какъ далеко въ сторонѣ мы живемъ отъ другихъ. „Ни землей, ни водой ты не найдешь пути къ гипербореямъ“, такъ понималъ насъ еще Пиндаръ. По ту сторону сѣвера, льда, смерти—*наша жизнь, наше счастье*. Мы открыли счастье, мы знаемъ путь, мы нашли выходъ изъ цѣлыхъ тысячелѣтій лабиринта. Кто-же, какъ не мы, нашли его?

Неужели современный человѣкъ?

— „Я не знаю, куда дѣваться; я все, что не знаетъ, куда дѣваться“,—вздыхаетъ современный человѣкъ. Этой современностью болѣли мы, мы болѣли лѣнивымъ миромъ, трусливымъ компромиссомъ, всей добродѣтельной нечистоплотностью современныхъ „да“ и „нѣтъ“. Эта терпимость, *largeur* сердца, которая все „извиняетъ“, потому что все „понимаетъ“, дѣйствуетъ на насъ, какъ сирокко. Лучше жить среди льдовъ, чѣмъ подъ теплыми вѣяніями современныхъ добродѣтелей. Мы были достаточно смѣлы, мы не щадили ни себя, ни другихъ, но мы долго не знали, *куда* намъ направить нашу смѣлость. Мы были мрачны, насъ называли фаталистами. *Нашимъ* фатумомъ было:—полнота, напряженіе, накопленіе силъ. Мы жаждали молніи и дѣлъ, мы оставались вдали отъ счастья немощныхъ, отъ „смиренія“. Грозовыя тучи вокругъ, мракъ внутри насъ: *мы не имѣли пути*;

формула нашего счастья: одно „да“, одно „нѣтъ“, одна прямая линія, одна цѣль.

2

— Что хорошо?—Все, что повышаетъ въ человѣкѣ чувство власти, волю къ власти, самую власть.

Что дурно? Все, что происходитъ изъ слабости.

Что есть счастье?—Чувство растущей власти, чувство преодоляемаго противодѣйствія.

Не удовлетворенность, но стремленіе къ власти, *не* миръ вообще, но война, *не* добродѣтель, но полнота способностей (*virtu* въ стилѣ Renaissance, т. е. добродѣтель, свободная отъ морали).

Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положеніе *нашей* любви къ человѣку. И имъ должно еще помочь въ этомъ.

Что вреднѣе всякаго порока?—Дѣятельное состраданіе ко всѣмъ неудачникамъ и слабымъ—христіанство.

3

Моя проблема не въ томъ, какъ завершаетъ собою челоѳѣчество послѣдовательный рядъ смѣняющихся существъ (человѣкъ—это *конецъ*), но какой типъ челоѳѣка слѣдуетъ *воспитать*, какой типъ *желателенъ*, какъ болѣе цѣнный, болѣе достойный жизни, будущности.

Этотъ болѣе цѣнный типъ уже существовалъ нерѣдко, но лишь какъ счастливая случайность, какъ исключеніе,—и никогда какъ нѣчто преднамѣренное. Наоборотъ,—его боялись болѣе всего; до сихъ поръ онъ внушалъ почти ужасъ, и изъ страха передъ нимъ желали, воспитывали и *достигали* челоѳѣка противоположнаго типа: типа домашняго животнаго, стаднаго животнаго, больного животнаго—христіанина.

Человѣчество не представляет собою развитія къ лучшему, или къ сильнѣйшему, или высшему, какъ въ это до сихъ поръ вѣрятъ. „Прогрессъ“ есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея. Теперешній европеецъ по своей цѣнности глубоко ниже европейца эпохи возрожденія, поступательное развитіе рѣшительно не представляет собою какой-либо необходимости повышенія, усиленія.

Совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, въ единичныхъ случаяхъ на различныхъ территоріяхъ земного шара и среди различныхъ культуръ, удается проявленіе того, что фактически представляет собою высшій типъ, что по отношенію къ цѣлому человѣчеству представляетъ родъ сверхъ-человѣка. Такія счастливыя случайности всегда бывали и всегда могутъ быть возможны. И при благоприятныхъ обстоятельствахъ такими удачниками могутъ быть цѣлыя поколѣнія, племена, народы.

Не слѣдуетъ украшать и наряжать христіанство: оно объявило *смертельную войну* этому высшему типу, оно отреклось отъ всѣхъ основныхъ инстинктовъ этого типа; изъ этихъ инстинктовъ оно добыло понятіе зла, злого человѣка: сильный человѣкъ сдѣлался негоднымъ человекомъ, „отверженцемъ“. Христіанство взяло сторону всѣхъ слабыхъ, униженныхъ, неудачниковъ, оно создало идеаль изъ *противорѣчія* инстинктамъ поддержанія сильной жизни; оно внесло порчу въ самый разумъ духовно-сильныхъ натуръ, такъ какъ оно научило ихъ *чувствовать высшія духовныя цѣнности какъ грѣховныя, ведущія къ заблужденію, какъ искушенія.* Вотъ примѣръ,

вызывающій глубочайшее сожалѣніе: гибель Паскаля, который вѣрилъ въ то, что причиной гибели его разума былъ первородный грѣхъ, между тѣмъ, какъ ею было лишь христіанство.

Мучительное, страшное зрѣлище представилось мнѣ: я отдернулъ завѣсу съ *испорченности* человѣка. Въ моихъ устахъ это слово свободно, по крайней мѣрѣ, отъ одного подозрѣнія: будто-бы оно заключаетъ въ себѣ моральное обвиненіе. Слово это—я желалъ-бы подчеркнуть это еще разъ—лишено моральнаго смысла, и притомъ въ такой степени, что испорченность эта какъ разъ ощущается мною сильнѣе всего именно тамъ, гдѣ до сихъ поръ наиболѣе сознательно стремились къ „добродѣтели“, къ „божественности“. Я понимаю испорченность, какъ объ этомъ можно уже догадаться, въ смыслѣ *décadence*: я утверждаю, что всѣ цѣнности, къ которымъ въ настоящее время человѣчество стремится, какъ къ наивысшимъ—есть цѣнности *décadence*.

— Я называю животное—родъ, индивидуумъ—испорченнымъ, когда оно теряетъ свои инстинкты, когда оно выбираетъ, когда оно *предпочитаетъ* то, что ему вредно. Исторія „высокихъ чувствъ“, „идеаловъ человѣчества“—можетъ быть именно мнѣ нужно ею заняться—была-бы почти только выясненіемъ того, *почему* человѣкъ такъ испорченъ. Сама жизнь цѣнится мною, какъ инстинктъ роста, устойчивости, накопленія силъ, *власти*: гдѣ недостаетъ воли къ власти, тамъ упадокъ. Я утверждаю, что всѣмъ высшимъ цѣностямъ человѣчества недостаетъ этой воли, что подъ самыми святыми именами господствуютъ цѣнности упадка, нигилистическія цѣнности.

Состраданіе ⁷

Христіанство называютъ религіей состраданія. Состраданіе противоположно тоническимъ аффектамъ, повышающимъ энергію жизненнаго чувства; оно дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ. Черезъ состраданіе теряется сила. Состраданіемъ еще увеличивается и усложняется убыль въ силѣ, наносимая жизни страданіемъ. Само страданіе дѣлается заразительнымъ черезъ состраданіе; при извѣстныхъ обстоятельствахъ получается при посредствѣ состраданія такая величина ущерба жизни и жизненной энергіи, которая находится въ нелѣпо преувеличенномъ отношеніи къ величинѣ причины (какъ, напр., смерть Назорея). Вотъ первая точка зрѣнія, но есть еще и болѣе важная. Если измѣрять состраданіе цѣнностью реакцій, которыя оно обыкновенно вызываетъ, то опасность его для жизни еще яснѣе. Состраданіе вообще противорѣчитъ закону развитія, который есть законъ подбора. Оно поддерживаетъ то, что должно погибнуть, оно встаетъ на защиту въ пользу обездоленныхъ и осужденныхъ жизнью. Поддерживая въ жизни неудачное всякаго рода, оно дѣлаетъ саму жизнь мрачною и возбуждающею сомнѣніе. Осмѣлились назвать состраданіе добродѣтелью (въ каждой благородной морали оно считается слабостью); пошли еще дальше: сдѣлали изъ него добродѣтель по преимуществу, почву и источникъ всѣхъ добродѣтелей, конечно, лишь съ точки зрѣнія нигилистической философіи, которая лишаетъ на своемъ щитѣ отрицаніе жизни—и это надо всегда имѣть въ виду. Шопенгауэръ былъ правъ: состраданіе отрицаетъ жизнь, оно дѣлаетъ ее болѣе достойной отрицанія,—состраданіе есть ~~практика~~ нигилизма. Повторяю: этотъ угнетающій и заразительный инстинктъ уничтожаетъ тѣ инстинкты, которые исходятъ изъ поддержа-

нія и повышенія цѣнности жизни: умножая бѣдствіе и охраняя все бѣдствующее, оно является главнымъ орудіемъ *décadence*'а—состраданіе увлекаетъ въ „ничто“. Не говорятъ „ничто“: говорятъ вмѣсто этого „по ту сторону“, или „Богъ“, или истинная жизнь, или нирвана, спасеніе, блаженство... Эта невинная риторика изъ области религіозно-нравственной идіосинкразіи оказывается гораздо менѣе невинной, когда поймешь, какая тенденція облачается здѣсь въ мантию возвышенныхъ словъ, тенденція, враждебная жизни. Шопенгауэръ былъ враждебенъ жизни: поэтому состраданіе сдѣлалось у него добродѣтелью. Аристотель, какъ извѣстно, видѣлъ въ состраданіи болѣзненное и опасное состояніе, при которомъ недурно кое-когда прибѣгать къ слабительному; онъ понималъ трагедію—какъ слабительное. Исходя изъ инстинкта жизни, можно-бы было въ самомъ дѣлѣ поискать средство удалить хирургическимъ путемъ такое болѣзненное и опасное скопленіе состраданія, какое представляетъ случай съ Шопенгауэромъ (и, къ сожалѣнію, все наше литературное и артистическое *décadence* отъ С.-Петербурга до Парижа, отъ Толстого до Вагнѣра...). Нѣтъ ничего болѣе нездороваго среди нашей нездоровой современности какъ христіанское состраданіе. *Здѣсь* быть врачомъ, *здѣсь* быть неумолимымъ, *здѣсь* дѣйствовать ножомъ, — это надлежитъ намъ, это *нашъ* родъ любви къ человѣку, съ которой живемъ мы—философы, мы—гиперборей!..

*Мендѣ - врач*⁸

Необходимо сказать, *кого* мы считаемъ своей противоположностью: теологовъ и все, что отъ плоти и крови теологовъ,—всю нашу философію.

Нужно вблизи увидѣть роковое, больше того—нужно пережить его на себѣ, почти дойти до гибели, чтобы съ

нимъ уже не шутить болѣе (свободомысліе нашихъ господъ естествоиспытателей и физиологовъ въ моихъ глазахъ есть *шутка*; имъ не достаеѣтъ страсти въ этихъ вещахъ, они *не страдаютъ* ими).

Отрава идетъ гораздо далѣе, чѣмъ думаютъ: я на-шелъ присущій теологамъ инстинктъ высокомерія всюду, гдѣ теперь чувствуютъ себя „идеалистами“, гдѣ, ссылаясь на высшее происхожденіе, мнятъ себя въ правѣ отно-ситься къ дѣйствительности какъ къ чему-то чуждому, и смотрѣтъ на нее свысока. Идеалистъ совершенно такъ, какъ и жрецъ, всѣ великія понятія держитъ въ рукѣ (и не только въ рукѣ); онъ играетъ ими съ благосклон-нымъ презрѣніемъ къ „разуму“, „чувству“, „чести“, „благоденствію“, „наукѣ“; на все это онъ смотритъ сверху внизъ, какъ на вредныя и соблазнительныя силы, надъ которыми паритъ „духъ“ въ самодовлѣющей чи-стотѣ: какъ будто жизнь до сихъ поръ не вредила себѣ цѣломудріемъ, бѣдностью, однимъ словомъ, — *святостью* гораздо болѣе, чѣмъ всякими ужасами и пороками. Чи-стый духъ — есть чистая ложь. Пока жрецъ, этотъ отри-цатель, клеветникъ, отравитель жизни *по призванію*, считается еще человѣкомъ *высшей* породы, — нѣтъ отвѣта на вопросъ: что есть истина?

Разъ сознательный защитникъ отрицанія жизни является заступникомъ „истины“, тѣмъ самымъ истина ставится вверхъ ногами.

Этому инстинкту теолога объявляю я войну: всюду находилъ я слѣды его. У кого въ жилахъ течетъ кровь теолога, тотъ съ самаго начала не можетъ относиться ко всѣмъ вещамъ прямо и честно. Развивающійся от-сюда паеосъ называется *вѣра*, т. е. закрываніе разъ на-всегда передъ собою глазъ, чтобы не страдать отъ зрѣ-

лица неискривимой лжи. Изъ этого оптического обмана создаютъ себѣ мораль, добродѣтель, святость, добрую совѣсть связываютъ съ фальшивымъ взглядомъ;—освящая собственное міровоззрѣніе терминами „Богъ“, „спасеніе“, „вѣчность“, не допускаютъ, чтобы какое-нибудь иное отношеніе къ міру претендовало на цѣнность. Вездѣ откапывалъ я инстинктъ теолога: онъ есть самая распространенная и самая сокровенная форма лжи, какая только существуетъ на землѣ.

Все, что ощущаетъ теологъ, какъ истинное, то *должно* быть ложнымъ: въ этомъ мы почти имѣемъ критерій истины. Его глубочайшій инстинктъ самосохраненія за-
 прещаетъ, чтобы реальность въ какомъ-бы то ни-было отношеніи пользовалась почетомъ или хотя-бы просто заявляла о себѣ. Поскольку простирается вліяніе теологовъ, постольку извращается оцѣнка,—необходимо подмѣниваются понятія „истинный“ и „ложный“: что болѣе всего вредитъ жизни, то здѣсь называется „истиннымъ“, что ее возвышаетъ, поднимаетъ, утверждаетъ, оправдываетъ и доставляетъ ей торжество, то называется „ложнымъ“. Если случается, что теологи, путемъ воз-
 дѣйствія на „совѣсть“ государей (*или народовъ*), протягиваютъ руку къ *власти*, то мы не сомнѣваемся, что собственно каждый разъ тутъ происходитъ: воля къ концу, нигилистическая воля хочетъ власти...

Нѣмцамъ сразу понятны мои слова, что кровь теологовъ испортила философію. Протестантскій пасторъ—дѣдушка нѣмецкой философіи, самъ протестантизмъ ея *ressatum originale*. Вотъ опредѣленіе протестантизма: половинчатое искаженіе христіанства—и разума... Достаточно сказать слово „тюбингенская школа“, чтобы

сдѣлалось яснымъ, что нѣмецкая философія въ основаніи своемъ—*коварная* теологія... Швабы—лучшіе лжецы въ Германіи,—они лгутъ невинно. Откуда то ликованіе при появленіи Канта, которое охватило весь нѣмецкій ученый міръ, состоящій на три четверти изъ сыновей пасторовъ и учителей? Откуда убѣжденіе нѣмцевъ, еще и до сихъ поръ находящее свой отзвукъ, что съ Кантомъ начался поворотъ къ *лучшему*? Инстинктъ теолога въ нѣмецкомъ ученомъ угадалъ, что теперь снова сдѣлалось — возможнымъ... Открылась лазейка къ старому идеалу; понятіе „истинный міръ“, понятіе о морали, какъ *сущности* міра (два злостнѣйшія заблужденія, какія только существуютъ)—эти два понятія, благодаря хитроумному скептицизму, если не доказываются, то болѣе не *опровергаются*... Разумъ, *право* разума сюда не достигаешь... Изъ реальности сдѣлали „видимость“, изъ совершенно вымышленнаго міра, міра сущаго, сдѣлали реальность... Успѣхъ Канта есть лишь успѣхъ теолога. Кантъ, подобно Лютеру, подобно Лейбницу, былъ лишнимъ тормазомъ для недостаточно твердой на ногахъ нѣмецкой честности.

11

Еще одно слово противъ Канта, какъ моралиста. Добродѣтель должна быть *нашимъ* изобрѣтеніемъ, нашей самой личной защитой и потребностью: во всякомъ иномъ смыслѣ она только лишь опасность. Что не обусловливаетъ нашу жизнь, то *вредитъ* ей: добродѣтель только изъ чувства уваженія къ понятію „добродѣтель“, какъ хотѣлъ этого Кантъ, вредна. „Добродѣтель“, „долгъ“, „добро само въ себѣ“, доброе съ характеромъ безличности и всеобщности—все это выдумки, въ которыхъ выражается упадокъ, крайнее обезсиленіе жизни,

кенигсбергскій *китаизмъ*. Самые глубокіе законы сохраненія и роста повелѣваютъ какъ разъ обратное: чтобы каждый находилъ себѣ *свою* добродѣтель, *свой* категорическій императивъ. Народъ идетъ къ гибели, если онъ смѣшиваетъ свой долгъ съ понятіемъ долга вообще. Ничто не разрушаетъ такъ глубоко, такъ захватывающе, какъ всякій „безличный“ долгъ, всякая жертва молоху абстракціи. Развѣ не чувствуется категорическій императивъ Канта, какъ опасный для жизни!.. Только инстинктъ теолога взялъ его подъ защиту!

Поступокъ, къ которому вынуждаетъ инстинктъ жизни, доказательство своей правильности имѣетъ въ чувствѣ удовольствія, имъ вызываемомъ; а тотъ нигилистъ съ христіански-догматическимъ нутромъ принимаетъ удовольствіе за опроверженіе. Что дѣйствуетъ разрушительнѣе того, если заставить человѣка работать, думать, чувствовать безъ внутренней необходимости, безъ глубокаго личнаго выбора, безъ удовольствія? какъ автомата „долга“? Это какъ разъ *рецептъ* къ *décadence*’у, даже къ идиотизму... Кантъ сдѣлался идиотомъ.

И это былъ современникъ *Гете*! Этотъ роковой паукъ считался *нѣмецкимъ* философомъ! Считается еще и теперь! Я остерегаюсь высказать, что думаю я о нѣмцахъ... Развѣ не видѣлъ Кантъ во французской революціи перехода неорганической формы государства въ *органическую*? Развѣ не задавался онъ вопросомъ, нѣтъ-ли такого явленія, которое совершенно не можетъ быть объяснено иначе, какъ моральнымъ настроеніемъ человѣчества, такъ чтобы имъ разъ навсегда была доказана „тенденція человѣчества къ добру“? Отвѣтъ Канта: „это революція“. Ошибочный инстинктъ въ общемъ и въ частности, противоположное какъ инстинктъ, нѣмецкій *décadence*, какъ философія—вотъ что такое Кантъ!